ТЕАТР ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

ПОСЛЕДНИЙ ЗРИТЕЛЬ

КНИГА 2

ЕВА НЕЧАЕВА

Ева Нечаева

Последний зритель

«Автор»
2026

Нечаева Е.

Последний зритель / Е. Нечаева — «Автор», 2026

В Норе счастливое завтра можно получить по договору. Подпись обещает работу, лечение и безопасное возвращение домой. Отказаться будто бы можно — но тогда счёт выставят всей семье.Рута приезжает к заболевшему отцу и обнаруживает своё имя в соглашении, которого никогда не заключала. Пока она пытается помочь ему, заводские подъёмники выходят из строя, а местный театр продолжает обещать безопасные смены тем, кто попал в списки.Здесь недостаточно разоблачить обман: лекарства действительно спасают жизни, и у опасной системы есть искренние сторонники. Руте предстоит выбирать между справедливостью и помощью тем, кто нуждается в ней прямо сейчас. И понять, сможет ли город существовать без обещаний, которые никто не способен выполнить за всех.

© Нечаева Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Состав семьи 5
Глава 2. Человек у горна 8
Глава 3. Гарантия 11
Глава 4. Белая справка 14
Глава 5. Лишние люди 18
Глава 6. Влада умеет свистеть 21
Глава 7. Показания под присягой 23
Глава 8. Подпись, которой хватило 25
Г 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Ева Нечаева
Последний зритель

Глава 1. Состав семьи

На обороте отцовского письма было четыре имени. Моё он написал с ошибкой.

Я ещё могла поверить, что за пять лет отец забыл, как пишется моё имя. Сева утверждал, что папа нарочно поставил после «Рута» лишнюю букву «т»: хотел убедиться, что мы читаем внимательно. Мать не стала гадать. Она дождалась, пока высохнет посланный нами запрос, и трижды сходила в управу спрашивать об ответе.

Ответ пришёл в чужом конверте. Норское Управление соглашений прислало копию листа, на котором отец расписался за себя. Рядом, в графе «семейное обслуживание», стояли мать, Сева и «Рутта Бель, дочь, девятнадцать лет». Графа её личного согласия была пуста.

Ниже значился семейный номер отцовской карточки. Его я знала: в последних конвертах из Норы он повторялся без изменений. Управлению хватило номера, чтобы назначить мне место в списке, а лишнюю букву никому не захотелось исправлять. Подпись под моим именем оставалась пустой. В бухгалтерской ведомости, однако, рядом уже стояло слово «учтена».

— А зачем тогда вписали? — спросил Сева.

— Чтобы лечиться дешевле, — сказала мать. — И чтобы работодателю было удобно говорить, будто вся семья у него в руках.

— Это одна и та же вещь?

Мать попросила меня закрыть окно. При открытой створке бумагу сдувало прямо в суп, а Сева слишком внимательно следил за её лицом.

На другом листе значилось: «В отсутствие отдельного волеизъявления совершеннолетнего лица преимущества по семейной программе могут быть приостановлены до выяснения». За таким длинным предложением пряталась простая угроза: если я приеду спорить, отцу могут перестать выдавать лекарства.

Он написал об этом сам, на маленьком куске упаковочной бумаги. «Руки дрожат. Врач велит отдыхать. В цехе не хватает смен. Не приезжайте из-за меня, я справлюсь».

Раньше я бы собрала инструменты раньше, чем прочитала конец. Теперь сидела с письмом и пыталась вспомнить, когда он в последний раз просил нас не приезжать. Кажется, в тот год, когда у Севы выпали передние зубы. Отец тогда прислал ему игрушечный парусник. Сева хранил его до сих пор, хотя парус давным-давно оторвался.

— Поедем, — сказал брат.

— Ты в школу ходишь, — ответила мать.

— У меня каникулы через четыре дня.

— Через пять.

— Хорошо, через пять. Поезд в Нору всё равно не каждый день.

Ина, пришедшая вернуть взятый у нас котелок, присела на подоконник и попросила показать ей расписание. После Заулисья она ещё не любила незнакомые коридоры. За железной дорогой она никогда не бывала. Я ждала, что она сразу откажется от поездки.

— Поеду с вами, — сказала она. — В Норе новый театр. Должен же кто-то разобраться, как они красят задники.

— Ты ещё своей красильни толком не касалась.

— Поэтому и поеду. Посмотрю, можно ли жить, не касаясь её каждый день.

Сева спросил, не потребуют ли на границе показать, какие двери мы нарисовали в тетради. Ина пообещала спрятать карты под пирогами. Он оскорбился, сообщил, что карты — это документы, и убежал искать чистый футляр.

Лев не мог ехать с нами. Суд над руководством кавельского театра назначили на понедельник, и его показания нельзя было перенести. Вечером я встретила его у старой грузовой башни. Он принёс два мотка тонкого троса, один пригодился бы для багажа, второй был явно не нужен. В кармане у него лежал лист со словами, которые он собирался сказать судье. Он перечитывал его всякий раз, когда мы переставали разговаривать.

— Я боюсь, что они решат: раз я рассказываю правду, значит, пытаюсь выслужить прощение, — сказал он.

— А ты пытаешься?

— Не знаю. Может, частью себя. Но от этого то, что я видел, не становится ложью.

Я взяла его холодные пальцы. Мы ещё редко позволяли себе такое на людях. Мимо прошёл Нестер с ящиком ламп, посмотрел на нас и удивительно тактично выругался на ступеньку, хотя не споткнулся.

— Я пришлю тебе телеграмму из Норы, — сказала я.

— Только если будет время. Не сообщай каждый вечер, что жива, ради моего спокойствия.

— А если мне самой захочется?

Лев наконец убрал лист в карман.

Когда я вернулась домой, мать складывала в чемодан рубахи. Для отца отложила шерстяную, ту самую, которую собиралась выбросить прошлой зимой. Сева спал с парусником на подушке.

Я проверила бумаги ещё раз. У норского договора было три печати, но ни одной моей подписи. Всё равно моя жизнь уже помещалась в его последней строке — в качестве повода оставить больного человека без лекарства.

⁂

Поезд до Норы шёл через угольные поля. На карте они были закрашены зелёным: в канцелярии решили, что зелёный цвет приятнее смотреть из кабинета.

Сева не отходил от окна первые два часа, пока снаружи попадались деревья. Потом показались отвалы, колеи, серый песок, засыпанный чёрной пылью. На остановках проводник стучал ключом по поручню и объявлял, сколько минут можно дышать на платформе. Люди выходили за кипятком, закрыв рот воротником.

Напротив нас сидела женщина с зашитым рукавом. Под локтем из ткани выглядывал жёлтый бумажный кружок.

— Норская? — спросила мать.

— На три года, — ответила женщина. — Потом обещают другую мастерскую.

— А это что?

Женщина спрятала кружок.

— Значок завтрашней смены. Чтобы проводник знал, кого высадить раньше.

Она носила железнодорожную форму, но в расписании не значилась. После ужина оказалось, что пассажирке следует сойти до Норы, в маленьком посёлке с вывеской «Сортировка». Там её ожидала работа по соглашению. Проводник подтвердил: поезд должен остановиться ради неё, хотя обычный состав проходил посёлок без остановки.

— На бумаге написано, где вы будете завтра? — спросила Ина.

Женщина нахмурилась.

— Не всё. Только то, что мне выгодно. Что доеду, получу смену и ночлег. Про суп, например, ничего не написано. А суп пусть будет горячим, это уж сама позабочусь.

Из нагрудного кармана она вынула маленький талон. На нём чернилами написали: «Прибытие на рабочее место до первого гудка». Подпись была её, уверенная, с широкими петлями. Угол талона украшала серебряная полоска. Я давно не видела серебро вне театра и не сдержалась: провела пальцем по краю. Женщина отдёрнула руку.

— Откуда у вас право трогать?

— Простите. Я с такими лентами работала.

— Тогда знаете, сколько они стоят. У меня дома трое детей. Не делайте вид, что нашли чудо и можете его отобрать.

Мать посмотрела на меня так, как смотрела раньше, когда я в детстве без спроса разбирала чужие игрушки, чтобы посмотреть внутренность. Пришлось извиниться ещё раз. Женщина отвернулась к окну и до утра с нами не говорила.

На следующей остановке Ина достала хлеб. Разделила на две части, маленькую завернула в чистую бумагу и оставила возле соседки. Та сначала не взяла, потом положила в карман, будто хлеб был её собственным.

— Ты хотела спросить про ленту, — сказала Ина, когда проводник погасил лампы.

— Хотела. Странно, что носят серебро в поездах.

— Странно, что сначала потрогала. Я бы тебе за краску руки отбила.

— Ты однажды отбила.

— Ты тогда облила ею лучшую рубаху.

Мы лежали на узких полках. Сева сверху строил из билетов дорогу и ронял на меня кусочки бумаги. Мать уже спала, держа в руках валик из сложенного плаща. От неё пахло мылом и старым театральным сукном. Я всё пыталась представить, что она скажет отцу после пяти лет разлуки. В детстве взрослые в таких случаях обязательно бросались друг другу на шею. Мать заранее взяла с собой иголку, чтобы заштопать ему рубаху. От этого было тревожнее, чем от любых семейных ссор.

К утру женщина со значком исчезла из вагона. Проводник сообщил, что высадил её вовремя. В расписании Нора стояла через час, но поезд задержали у грузового разъезда: по пути проходил состав с медицинским кислородом. Все пассажиры ворчали. Мать сказала, что пропустит хоть десять таких составов, если кому-то от этого станет легче дышать.

Сева вынул из сумки карту Норы. Там было три вокзала, два русла старой реки и большой белый прямоугольник без названия.

— Почему здесь пустое место?

Проводник заглянул ему через плечо.

— Заводские подъёмники. Чужих не пускают.

— А почему нельзя нарисовать заводские подъёмники?

— Чтобы никто не спрашивал, почему их нельзя обходить.

Он сказал это так буднично, что я не сразу поняла: шутил. Ина рассмеялась первой, закрыв рот платком. Проводник подмигнул брату и пошёл проверять тормоза.

У вокзала Норы нас встретил запах горячего металла и варёной репы. Над платформой висело расписание, огромное, как афиша. Вместо названий спектаклей — завтрашние смены. На самом верху золотыми буквами было написано: «ЧЕСТНО ВЫБРАННЫЙ ДЕНЬ».

В Кавеле никто не решился бы повесить такую надпись. Здесь под ней спокойно покупали пирожки.

Глава 2. Человек у горна

Отца я узнала по тому, как он держал локоть, когда шёл.

Пять лет назад это выглядело смешно. Он всегда будто нёс под мышкой невидимую доску. Теперь локоть был прибинтован к боку, а левая рука оттягивала карман старого пальто. На вокзал он пришёл один. Нёс букет полевых гвоздик, уже сильно помятых в дороге.

— Дети, — сказал он и замолчал.

Сева бросился к нему первым. Ударил плечом под здоровую руку и на секунду повис на пальто. Отец охнул. Брат отскочил.

— Больно?

— Немного. Это хорошо, что тебя так много стало.

Он попытался погладить Севу по волосам, но попал по уху. Они смеялись оба, пока отец не увидел мать.

Она остановилась в двух шагах. Гвоздики отец протянул ей — неумело, корнями вверх. Мать взяла их за стебли.

— Лицо у тебя синее, — сказала она.

— От горна.

— Оттого, что пять лет не ложишься вовремя.

Я ожидала чего угодно, только не того, что они начнут спорить про сон. Ина отошла к багажу, чтобы не быть свидетелем разговора. Отец заметил её и долго думал, кто это. Когда узнал, обрадовался так искренне, что у меня заболело под рёбрами. Он помнил её ещё девочкой, приходившей к нам красить шторы.

Жил он в северном квартале, над мастерской, которую аренда не позволяла называть собственной. До комнаты вели три крутые лестницы. Отец сообщил, что раньше было четыре, но одну разобрали после несчастного случая. Он произнёс это с видом человека, который считает новую лестницу улучшением.

В комнате стояли две кровати. На одной лежал свернутый рабочий халат, другая была застелена чисто, с двумя подушками. Сева заинтересовался картонной моделью подъёмника на подоконнике, но не решился трогать. Отец заметил.

— Возьми. Только не крути за красное колесо.

— Почему?

— Оно отвалится, я ещё не закрепил.

Сева покрутил соседнее колесо, красного не тронул и победно посмотрел на меня. Мать открыла окно, втянула воздух и закрыла снова. Пыль не давала вдохнуть глубоко.

— Показывай договор, — сказала она.

Отец снял с крючка плотную папку. Он заранее приготовил её. В первой строке было указано: «Личный годовой договор обеспеченного труда». Ниже — его имя, дата и профессия «кузнец, вспомогательные работы на подъёмном комплексе». Расписаться он успел в тринадцати местах. Каждый лист был подшит цветной нитью.

— А где лекарство? — спросила мать.

Отец достал из ящика две ампулы и таблетки в голубой коробке. На коробке было написано, что принимать утром и вечером. Рядом лежало направление к врачу: работа с горячим металлом противопоказана в течение трёх месяцев.

— Ты вчера был на работе?

— На два часа. У нас был выходной по договору.

— Тебя заставили?

Он сел на кровать. Здоровой рукой прикрыл край папки.

— Меня никто не заставлял, Ада. Я сам пришёл в Управление соглашений. Меня с распухшей рукой брали только на разгрузку угля. А тут обещали лечение, смены и жильё. Я не думал, что понадобится вам что-то объяснять. Хотел сначала всё устроить.

Мать указала на пустую графу рядом с моим именем.

— Почему она там?

— При оформлении спросили, кто у меня есть. Я назвал. В Норе семьям скидки. Я думал, это как в больнице, список родственников.

— Разве не увидел, что она должна согласиться отдельно?

Отец помолчал.

— Увидел. Сказали: если взрослый родственник не подпишет, его не будут считать участником льгот. Вот и всё.

— А если он откажется?

— Тогда мне пересчитают стоимость программы. Я не знаю сколько. Спросите их, они и покажут.

Ина попросила разрешения налить кипятка. Самовар оказался пуст, отец направился в коридор, но она не пустила. Я пошла вместе с ней к общей кухне. За дверью слышался голос матери. Она говорила негромко, почти без гнева. Так у неё выходило, когда она была действительно сердита.

В коридоре Ина поставила ведро под кран. Вода шла рывками, с рыжим осадком. Она пропустила три ведра, прежде чем наполнился чайник.

— Ты не обязана спасать его от всех последствий, — сказала она.

— Я пока пытаюсь понять, от каких.

— Ну хоть это.

Когда мы вернулись, Сева устроил модель подъёмника на подушке и соорудил для неё груз из яблок. Мать сидела возле окна. Отец продолжал держать папку на коленях, но теперь не закрывал её рукой.

Внизу загудел завод. Сколько бы ни было подписано обещаний, станок заводился настоящей рукой и мог остановиться из-за самой обыкновенной сломанной детали. Я хотела увидеть, как он работает.

⁂

У театра Норы не было афиш с названиями пьес. Вместо них висели списки благ. Буквы меняли каждый день: «Смена без травмы», «Приём врача вовремя», «Возвращение домой до заката». Между списками оставляли небольшие промежутки для объявлений о новых льготах.

Отец привёл нас утром, потому что просил показать врачу руку. На входе в театр ему выдали номер. Сначала я обрадовалась: медицинская очередь без толкотни была бы не худшей идеей. Потом увидела, что номера стоят на билетах в зал.

Кресла занимали люди в рабочих куртках. Мужчины, женщины, подростки лет семнадцати. Каждый держал бумажную карточку с личными вещами: стружка с рукава, нитка, обрывок перевязи. На сцене не было декораций. Только серебряная полоса на досках и лампы под боковыми карнизами. Аплодисменты репетировали перед началом, как вступление к маршу.

— Здесь тоже собирают чужие следы, — сказала Ина.

— Люди приносят сами, — возразил отец.

Он держал старую рукавицу, прожжённую возле большого пальца. На документе её назвали «подлинным знаком участника». При нём лежала копия врачебного запрета. Рука была забинтована. Я попросила его не выходить на сцену.

— Не собираюсь, — сказал он. — Я зритель.

Объявитель в сером костюме зачитал: «Завтра в первую смену кузнец Илья Бель выйдет к подъёмному комплексу номер три, закончит порученную работу и вернётся невредимым». Его

имя прозвучало так ясно, что Сева перестал вертеть билет. Отец сжал мою ладонь здоровой рукой.

— Вот видишь, — прошептал он. — На завтра меня берут в запас, только лёгкую работу. И я не поранюсь.

— Тебе врач запретил приходить туда вообще.

— У нас комиссия. Там разберутся.

Объявитель положил рукавицу на серебряную линию. Свет сбоку стал белым, как при лунном морозе, хотя на улице было тепло. Люди подняли руки. Я слишком хорошо знала этот звук, когда отдельные хлопки превращаются в сплошной гул.

Рвануться к рампе я могла. До неё было семь шагов от первой двери. Но там сидел отец, и я не знала, как поведёт себя постановка, если сорвать её после начала. Он мог оказаться в Заулисье. Или человек, чей след лежал рядом. Я стояла, пока зал не затих.

Сева первым разжал пальцы.

— Ты хотел пойти к врачу, — сказал он отцу.

— Пойду. После смены.

— Ты уже вчера говорил «после».

Отец улыбнулся брату, но улыбка вышла странной.

В коридоре выдачи талонов мы встретили медицинского служителя. Тот сказал, что приём назначен на следующий четверг. В договоре гарантировалось «лечение в установленном порядке». Я показала направление врача с сегодняшней датой.

— Работодатель прислал новое расписание. Вчера на сеансе ваш отец подтвердил готовность к облегчённому труду, — ответил служитель.

— Он подтвердил, что завтра вернётся целым. О работе, которую ему поручат, сцену вы не спрашивали.

Служитель отвёл взгляд. Отец встал между нами.

— Я сам подпишу заявление, Рута. Не спорь за меня у окошка.

Я отошла. Пока он выводил буквы, к нам подошла девушка с ведром красок. Рукава на ней были закатаны выше локтей, волосы собраны в тяжёлую косу. Она заметила краску под Ининым ногтем, посмотрела на меня и кивнула на зал.

— Из Кавеля, да? — спросила.

— Да.

— У нас в курилке говорят, вы там театр сломали и всё равно остались жить.

— Починили затворы. Сломали в театре только лампу.

Она усмехнулась.

— В Норе лампы собственность города. Лучше начинайте с окошек, там их хоть можно ругать.

Её звали Эфра. Она работала в красильне и по вечерам помогала сестре в больнице. Врачу приходилось переписывать назначения от руки: типографский станок сломался. Эфра пригласила Ину посмотреть, как сушат занавески. Мы с Севой пошли за ними, оставив мать с отцом.

У задней двери театра висела таблица сегодняшних событий. Я увидела на ней фамилию человека, чей проход в зал во время показа был запрещён. Рядом стояла отметка «неблагонадёжный».

Это была моя фамилия, только без лишней буквы.

Глава 3. Гарантия

Утром после показа отец не пришёл завтракать.

Мать разбудила меня за полчаса до заводского гудка. Сева лежал в одежде поперёк кровати, под его рукой хрустел чужой железнодорожный билет. Ина уже вышла за кипятком. В кухне соседка сказала, что отца вызвали к третьему подъёмнику вместе с шестью кузнецами. Я знала лишь, где на карте находится пустой белый прямоугольник.

На территории завода нам встретились двое мальчиков с тачкой. Я показала отцовский номер.

— По зелёной лестнице, — сказал старший. — Только за ограждение не заходите.

Лестница вовсе не была зелёной. Её когда-то покрасили, но теперь почти всё покрылось копотью. Внизу, за турникетом, стояли люди и смотрели вверх. Подъёмная клеть застряла между вторым и третьим ярусами. Из неё свешивался канат, на конце которого болталась пустая обувная колодка. Кто-то кричал, что тормоз не держит. Из мастерской вышел человек в светлом жилете, велел всем отойти и несколько раз подряд потянул за сигнальный шнур.

Отец стоял возле опоры. Правой рукой держал рукоять запасного ворота; левую прижимал к груди. Он увидел меня и крикнул, чтобы я не приближалась. Я не послушалась, но остановилась там, где был цел настил.

— Ты должен был получить лёгкую работу!

— Сегодня и есть лёгкая, — крикнул отец. — Мне дали ворот, не молот.

Ворот был с заедающим зубом. Каждый раз, когда его проворачивали, рукоять возвращалась на четверть оборота назад. Отец старался остановить её здоровой рукой, но ослабшие пальцы соскальзывали. Рядом стоял мужчина лет двадцати восьми, перепачканный известью. Он подхватил рукоять, и оба налегли вместе.

Я увидела под воротом треснувшую скобу. Железо раскрывалось при каждом рывке. Если тормоз отпустит, рукоять выстрелит обратно и разобьёт кому-нибудь лицо. Под ногами валялся хлыст толстого каната. Я подняла его, обмотала вокруг рукояти, провела свободный конец за стойку и потянула вниз. Получился временный стопор.

— Снять людей, потом менять скобу! — крикнула я.

Человек в жилете повернулся.

— Вы кто такая?

— Механик с троса, — ответила я. — В Кавеле работала с затворами.

— Тогда знаете, что на чужом объекте без допуска нельзя руками брать железо.

Он сказал правду. Мне это не понравилось. Отец продолжал держать рукоять, парень рядом облизывал губы и смотрел на пустой пролёт.

— Найдите того, у кого есть допуск, — сказала я. — У вас скоба открывается.

Из клетки сверху донёсся стук: три удара, пауза, ещё три. Человек в жилете наконец увидел треснувший крепёж. Он велел рабочим зафиксировать груз и пустил к вороту другого механика. Через десять минут клеть опустили на нижнюю площадку. Из неё вышли четверо — двое тяжёлых взрослых и молодой парень с окровавленным предплечьем. Пятого вывели под руки. Он наступал только на одну ногу.

Отец присел возле стены. На его шее выступила испарина. Я стала искать воду. Парень в извести протянул ему собственную флягу и без спроса ослабил бинт.

— Как зовут? — спросила я.

— Тарен, — ответил он. — Новенький. Из южной слободы.

— Ты был на показе вчера?

— У меня талон на четверг. Сегодня вторник.

На стене висел список людей, которым обещали безопасную смену. Отцовское имя стояло первым, дальше ещё двое. Ни Тарена, ни человека с разбитой ногой там не было. Тот самый отец, чьё благополучное возвращение накануне закрепил полный зал, сидел у стены целый, хотя едва мог дышать. А рядом двое пострадали так, как нельзя было допустить в исправном механизме.

Служащий в жилете записал происшествие как «остановку без вреда защищённому персоналу». На вторую строку попросили внести травмы. Он поднял взгляд.

— Это отдельное разбирательство, — сказал.

Тарен плюнул в пустое ведро.

— У нас тут всегда отдельно. В школе мне сказали: научишься читать — считай себя счастливым. А отец научил: если хочешь узнать, кто платит, смотри вторую строку.

Я помогла поднять моего отца. За воротами он остановился и попросил не говорить матери, что упал в обморок.

— Ты не падал, — сказала я. — Я видела, как сел.

— Значит, так и скажи.

— Она сама спросит, зачем тебе сейчас держать руку у груди.

Он отвёл взгляд.

По дороге к дому я всё пыталась понять, что было закреплено в театре: реальная безопасность отца или только его возвращение без раны, которую можно предъявить врачу? Глаза мои упирались в рабочий список. Отец дошёл домой сам. Вечером у него поднялась температура. К ночи температура поднялась и у Тарена, потому что он порезал руку о треснувшую скобу, которой на официальном листе не существовало.

Я записала обе температуры в блокнот и испугалась не цифр, а того, как легко они уместились рядом с вполне успешно исполненным обещанием.

⁂

Норское управление соглашений помещалось в здании бывшего склада соли. Соль здесь больше не держали. От неё остались белые полосы на кирпиче и привычка служащих смахивать несуществующую пыль с манжет.

У входа посетителям предлагали три очереди: «Желаю подписать», «Желаю изменить» и «Желаю отказаться». Третья оказалась длиннее первых двух вместе. Люди в ней старались не переговариваться.

Мать заняла место рядом со мной. Отец остался дома. Его врач настоял на постельном режиме, и теперь он пытался убедить Севу, что лежать — тоже работа. Сева обещал контролировать её выполнение. Я не завидовала отцу.

Когда подошла наша очередь, служащая повернула бланк красной стороной вверх.

— За изменение условий взимается перерасчёт семейной скидки. Есть справка о заработке всех совершеннолетних членов семьи?

— Я не член его норского хозяйства, — сказала я. — Живу в Кавеле.

— Так и написано. «Проживает за пределами области». Это не препятствует включению в семейный список.

— Без моего согласия?

— В список — можно. В вашу собственную роль — нельзя. Никто не утверждает иного.

Она указала на пустую клетку рядом с моим именем. Я заметила, что у неё под ногтем сохранилась типографская краска. В прошлом она наверняка печатала формы сама: пальцы ловко прижимали угол листа, даже когда стол был скользким.

— Тогда уберите меня из списка, — попросила я.

Служащая взяла карандаш, перечеркнула имя и перевернула расчётную ведомость. При новой стоимости отцовского лечения появились цифры, которые я не могла себе позволить даже за год работы. Я попросила перепроверить.

— К заявленному домохозяйству применена скидка за иждивенцев и родственников, готовых к сменной работе, — объяснила она. — После удаления совершеннолетнего работающего члена семье нужно выбрать другую программу.

— Но я ни дня не работала в Норе.

— Вам это и не обещали. Скидка за готовность. По нашему тарифу такие семьи устойчивее.

Мать положила на стол две монеты, будто решила немедленно доплатить за всё. Служащая мягко отодвинула их обратно.

— Я не кассир. И не получаю премию за отказ. Вот правила, заверенные советом. Хотите спорить — пишите жалобу на совет, не на меня.

Меня всё ещё раздражало, что она объясняла это спокойным голосом. Потом я заметила крошечную дырку возле манжеты. Рукав аккуратно заштопали, но ткань уже второй раз разошлась по старому шву. У человека, который каждый день превращал чужие жизни в цифры, возможно, тоже не было денег на новую рубашку.

— Кто рассчитывал тариф? — спросила я.

— Комиссия вместе с больничной кассой и представителями заводов.

— Кто из них сидит на представлениях?

Она посмотрела на очередь за моей спиной.

— Все. Они здесь живут. Я тоже хожу, когда дочке нужна справка о приёме. Идите к начальнику, если хотите узнать, сколько стоит переменить жизнь другого человека.

Я попросила копию тринадцатой страницы. Там была отдельная таблица для работника, утратившего годность к сменам по заключению врача. «Сохранение лечебной программы до конца расчётного года возможно при назначении заменяющего кормильца».

— Это про меня?

— Это про любую семью, — ответила служащая.

Она говорила искренне. Но прямо сейчас эта строка превращала больного отца в долг, который можно передать мне. Для театра понадобилась бы моя подпись, личная вещь и зрители; для бухгалтерии хватало одного перечня фамилий.

У выхода мать остановилась.

— Твоего отца нельзя было отпустить одного пять лет назад, — сказала она.

— Он сам уехал.

— Знаю. И сейчас сам подписал. Это не значит, что мы будем смотреть, как у него отнимают таблетки.

— Тогда что делать?

Мать посмотрела на красную очередь. Оттуда вышел высокий мужчина, держа обеими руками пустой конверт. Он пошёл куда-то очень быстро, пока не заметил, что потерял шапку.

— Сначала узнать, кому идут деньги, — сказала мать. — Когда я была капельдинером, зрителей обещали защищать дверями, которые у нас не открывались. Здесь обещают лечить тех, кто уже заболел. Может, хоть больница скажет, чего ей не хватает на самом деле.

Я не ожидала от неё такого ответа. Она впервые за долгие месяцы предложила не немедленный поступок, а работу, которой не было видно конца.

Мы пошли к больнице. Возле дверей продавали пироги по цене, которая была мне по карману, только если не считать дорогу обратно. Мать купила два и один завернула для отца.

Глава 4. Белая справка

Норская больница стояла рядом с кузней. Это было удобно для носильщиков, но окна палаты хирургии выходили прямо на дымовые трубы.

Доктор Мирна Венец принимала без белого халата. На ней была серая юбка, передник со следами йода и тяжёлые сапоги. Она заправляла выбившуюся прядь за ухо тем же движением, которым отбрасывала с лица марлевую повязку. В кабинете не было кресла для родственников; я принесла своё из коридора.

— У отца сердце или рука? — спросила она, увидев бумаги.

— И то и другое, похоже.

Доктор прослушала меня, будто я была неисправным насосом.

— Показывайте направление.

Она прочитала врачебный запрет, сверила даты, затем достала из шкафа карточку с отцовской фамилией. Там действительно стояли результаты обследования и назначенные лекарства. Никакой мистической причины для их получения не требовалось. Требовались деньги, врачи и регулярная поставка ампул, которые привозили из восточных городов.

— Если он перестанет ходить в театр, вы прекратите его лечить? — спросила мать.

— Я лечу больных, — сказала Мирна. — Отчёт о платеже составляет касса. Если приходит человек с обострением, я его не выгоню. Но плановое лечение со счёта Управления соглашений действительно оплачивается по договору.

— Значит, если его вычеркнут из программы...

— Я не знаю, кто заменит лекарства, — ответила она и закрыла карточку. — В прошлом году мы три месяца задерживали операции, потому что на складе закончились шовные иглы. Управление купило нам новые после первого общего показа. Я не могу ругать его только за то, что оно делает хуже того, на что мы рассчитывали. До него было хуже совсем.

Я спросила, сколько получают медики от показов. Доктор не стала отвечать на словах. Открыла ведомость и показала строку: целевой сбор с платных гарантированных смен. Без него оставалось меньше половины расходов на операционную. Остальное давали заводы, которые тоже зависели от представлений.

— А страховка для тех, кто отказался? — спросила мать.

Мирна развернула другой лист. Там было три графы. Поставщики железа, предприятия, городская казна. В графе «общая медицинская помощь» цифры были написаны карандашом и почти все стёрты.

— Эту строку обсуждают каждый год, — сказала она. — Иногда печатают красивый план, но к осени снова не хватает денег. Хотите спорить с Вейлом — сперва покажите, чем замените его сборы. Я не соглашусь закрыть хирургическое отделение ради правильной речи о свободе.

В дверь постучали. Медсестра втащила носилки с человеком, которого утром сняли с застрявшей клети. Он держался за ногу и просил не разрезать сапог, потому что второго не было. Мирна велела ему замолчать, но ножницы отдала медсестре только после того, как та аккуратно развязала шнуровку. Я подумала, что врачу тоже неприятно портить хорошую обувь.

На носилках лежал тот самый мужчина, которого вывели под руки. Я подала ему воды. Он увидел мою ладонь в машинном масле и усмехнулся:

— Уже успела устроиться на работу?

— Пока нет.

— Зря. У нас тут куда ни глянь, все работают.

Доктор попросила меня уйти. Мать осталась уточнить лекарство для отца. В коридоре я встретила Эфру с девочкой лет десяти. Девочка держала локти близко к груди; каждый вдох

давался ей со свистом. Эфра помогала ей снять пальто. Увидев меня, она попыталась спрятать направление, но бумага была слишком большой.

— Сестра? — спросила я.

— Влада. Она не заразная. Если из-за этого спрашиваешь.

— Не из-за этого.

— Тогда не спрашивай при ней про договоры. Ей тошно слушать, как её лечение считают в чужих разговорах.

Влада подняла голову.

— Она всё равно считает, — сказала она. — У неё по ночам карандаш скрипит. Меня будит.

— Ты тоже по ночам не спишь, — ответила Эфра.

— Я бы спала, если бы ты перестала считать.

Они пошли к процедурному кабинету. Я смотрела им вслед. Эфра, оказывается, помогала красильне не только ради собственной платы. У неё была работа, от которой она могла отказаться, и больная сестра, чьи лекарства после отказа станут недоступны. Рассказывать ей, что она совершенно свободна, было бы издевательством.

Мирна вышла спустя двадцать минут с просьбой. На железнодорожном складе лежали два старых кислородных насоса. Один годился в ремонт. Если удастся доставить его до пятницы, больница сможет принять ещё троих пациентов без очереди. Мне предложили посмотреть механизм.

— Почему я? — спросила я.

— Потому что вы всю дорогу смотрите на винты шкафов. В Норе так делают либо воры, либо механики. Я надеюсь на второе.

Я согласилась, но попросила оформить работу не как благодарность за отцовские таблетки, а как отдельное оплачиваемое поручение.

Доктор улыбнулась одним уголком рта.

— Вы быстро учитесь норским обычаям.

⁂

Харон Вейл оказался ниже, чем я ожидала.

Его портрет висел над билетной кассой, в комнате ожидания больницы и на двух трамвайных остановках. На картинках он был крупным мужчиной с лицом из камня и длинным плащом. В жизни носил короткую куртку, очки с треснувшей дужкой и всю дорогу обтирал нос платком.

Он подошёл ко мне после того, как я разобрала первый кислородный насос. Я сидела на полу склада и пыталась достать заржавевший шплинт. Тарен, оказавшийся в свободной смене, подавал инструменты. За полчаса мы дважды поссорились из-за того, какой ключ лучше держит старую гайку.

— Это вы из Кавеля, — сказал Вейл. Не спросил — сообщил. — У вас на кармане знак портовой мастерской.

— Он платит за хлеб, — ответила я. — Не даёт мне права показывать, кто завтра упадёт с лестницы.

Вейл присел на пустой ящик и посмотрел, как я вынимаю шплинт.

— Наслушался про вас. Рассказывают, что вы умеете разрушать театры одним движением ключа.

— Врут. У нас ушло несколько месяцев, много людей и половина портового склада.

— Вот именно. Когда слышу такие истории, всегда спрашиваю, кто оплачивал склад.

Он не говорил с интонацией Дамиры. Та умела превращать любое замечание в реплику, за которой следует аплодировать. Вейл разговаривал негромко и не боялся пауз. Его сопро-

вождала женщина с узким блокнотом. Я не могла определить, смотритель она или охранник. Вперёд не выходила.

— Я хочу увидеть семейную программу, — сказала я.

— В управлении выдадут документы.

— Вы знаете, что делают с отцом. Ему запрещено работать у подъёмников, а ему назначают безопасные смены.

— Он подписал договор.

— Работа по договору не отменяет медицинского запрета.

— Согласен, — сказал Вейл. — Поэтому завтра комиссия проверит, кто составил график. Если виноват мастер, он получит взыскание. Если управляющий — управляющий. Вы хотите, чтобы я тоже подписал приказ, не читая?

Его спокойствие раздражало меня сильнее, чем чужая грубость. Я была готова спорить с человеком, который запрещал отцу отдыхать. Этот признавал очевидное и тем самым заставлял меня говорить о том, чего я не знала.

— Почему вы записываете семьи к льготам по чужим подписям?

— Потому что больница спрашивает, сколько людей ей нужно обслужить. Потому что завод хочет знать, сколько смен останется в следующем месяце. Потому что отдельные семьи лгут о количестве иждивенцев, а отдельные работодатели — об условиях труда. Мы придумали общий список.

— Вы могли придумать его без зависимости от театра.

— Могли. Десять лет пытались. Деньги выделяли, а потом снимали на новый котёл или на расчистку шахты. Общий показ принуждает власть выполнить хотя бы завтрашнее обещание. Трудно украсть лекарство, которое наутро обязано оказаться в больнице.

Он произнёс «обязано» с уважением к этому слову. Я подумала о людях, которые не были названы на сцене и пострадали возле третьего подъёмника.

— А если лекарство придёт, но врача к больному не пустят?

— Тогда мы неверно сформулировали постановку, — сказал Вейл. — Это рабочая ошибка. Исправляется.

— А человек, который тем временем умрёт?

Он снял очки. У правой дужки была нить, которой её привязали к оправе. Вейл некоторое время рассматривал меня без стекла.

— Вчера двадцать четыре человека дышали нашим кислородом, — сказал Вейл. — Доставку держали два водителя, которые добровольно согласились на закреплённое время.

Он разложил перед нами не театральные карточки, а накладные. На одной в графе «задержка» стояло пять суток. На другой — ноль.

— До договоров груз мог застрять на горной дороге. Я помню тех, кто не дождался. Вы предлагаете убрать расписание. Хорошо. Назовите человека, который утром поедет вместо этих двоих, и я выслушаю дальше.

— Я предлагаю не ставить лекарства в зависимость от чужой подписи, — ответила я.

— Тогда нам нужны не лозунги, а новые водители и новые деньги.

Я поднесла к свету вынутый шплинт. Он был изношен, но годился как образец. Тарен отложил ключ и перестал делать вид, будто не слушает.

— Никто не предлагает лишить больных кислорода, — сказала я.

— Тогда приходите на открытое обсуждение тарифов в пятницу. С цифрами. Криками о свободе в Норе уже выступали. За два года ни одна группа не смогла договориться, кто будет платить за лекарства после отмены договоров.

Он встал и направился к выходу. Женщина с блокнотом пошла за ним. Около двери Вейл обернулся.

— Вы хороший механик? Мне сказали, да. Так почините насос. Это полезнее первого впечатления обо мне.

Когда он ушёл, Тарен взял шплинт двумя пальцами.

— Теперь понятно, зачем сюда пришёл, — сказал он. — Хотел посмотреть, есть ли у тебя мозги.

— У него самого есть?

— Много. Оттого и беда. Начальник без мозгов хотя бы видно, где врёт.

Мы с трудом рассмеялись. До вечера разобрали второй насос, составили список деталей и отнесли его доктору Мирне. Она прочитала перечень, посмотрела на цену и долго молчала.

— У нас хватит денег только на половину, — сказала она. — Вторую половину придётся искать у заводов.

Я уже собиралась ответить, что найду. Вместо этого спросила, есть ли у неё люди, которые умеют говорить с директорами заводов лучше меня. Мирна вызвала сестру-хозяйку. Та пришла с кляксами от чернил на пальцах и сказала, что директора ходят к ней занимать чистые халаты. До завтра она получит две подписи.

Глава 5. Лишние люди

В пятницу у входа в Управление соглашений поставили стол для жалоб. Его привезли на телеге, разгрузили двое рабочих и сразу унесли обратно одну ножку: она оказалась короче остальных. Стол подперли кирпичом. К полудню под ним лежало четыре пачки бумаг и тряпка, которой вытирали чернила.

Я пришла с ведомостью больницы и счётом за ремонт кислородного насоса. Мирна обещала выступить сама, но у неё началась операция. Вместо неё пришла сестра-хозяйка с двумя подписями заводских директоров и такой неприязнью к публичным речам, что у неё даже уши покраснели.

За столом сидела Эфра. На ней была праздничная юбка, по подолу которой шли неровные зелёные строчки. Она раздавала билеты на заседание. Увидев меня, достала два. Один протянула мне, второй Ине.

— Отказникам туда, — сказала она и показала на крайний проход.

— Я не отказник. Не подписывала.

— Вот и именно. Кто не участвует, тот у них уже отказник. Если хочешь сидеть ближе, подпиши согласие на посещение будущих показов. Там сладости раздают.

Ина взяла билет, прочитала мелкие буквы и разорвала его пополам.

— Нигде не написано, что это согласие. Просто «приглашение постоянного зрителя».

— У нас так называется льгота, — ответила Эфра. — Я не изобрела.

Она звучала грубо. Раньше мне казалось, у неё всё время смешливое лицо. Сейчас под глазами лежали тёмные полосы. Влада ночью задыхалась, и Эфра просидела возле её кровати до рассвета.

— Прости, — сказала я. — Можно обычный билет?

— Если есть, бери. Вчера кончились.

Я выбрала место у стены и села на подоконник. Ина принесла себе складной стул из красильни. Через час перед зданием собрались человек двести. Кто-то держал над головой записки с просьбами снизить стоимость лечения; другие требовали увеличить число гарантированных смен. Никто не размахивал лозунгом «Отменить театр». Это было неприятно признать.

На первых рядах стояли четыре мужчины в одинаковых фартуках. Один рассказал, что после вечерних показов перестали пропадать рабочие инструменты. Другой ответил, что инструментами трудно воспользоваться, если человек неделю не может уйти с закреплённой смены. Началась ссора. Служащая с грифельной доской записала обе жалобы и попросила людей не выкрикивать одновременно.

Вейл вышел с папкой. Перед ним не несли знамён, его даже никто не приветствовал. Он вытер очки, положил на стол счёты и попросил назвать конкретные предложения.

Сестра-хозяйка встала первой. Голос у неё дрожал.

— Медицинскому дому нужно каждую неделю восемьдесят четыре меры кислорода, столько-то угля и две смены людей для котлов. Если городской сбор с добровольных постановок сократят, мы теряем половину поставок. Есть ли у казны деньги заменить?

Вейл показал лист с цифрами. Денег не было. Рабочий из котельной спросил, почему при таком недостатке город недавно выкупил новую люстру для театра. Вейл ответил, что люстра куплена из отдельного фонда. Зал засмеялся недобро.

— Фонд можно переименовать, — сказал старик у двери. — Стекло от этого в лекарства не превратится.

Когда дошла моя очередь, я показала треснувшую скобу от подъёмника, которую Майя Ранс позволила забрать только после того, как нанесла на неё номер. Я не утверждала, что театр сломал скобу. Объяснила, что гарантированная безопасность одного рабочего не избавляет

завод от обычного ремонта. Выгоднее потратить деньги на опоры, чем каждый вечер обещать, что они не упадут.

— Согласен, — сказал Вейл. — Что предлагаете сокращать?

— Оплату показов, которые заменяют обязательную техническую проверку.

В зале закричали. Кто-то спросил, хочу ли я оставить семьи без еды на время остановки завода. Другой напомнил, что у его сына нет денег на врача. Я пыталась отвечать по одному. Служащая попросила говорить в микрофон; тот хрипел так сильно, что через пять минут его отключили. Моё последнее предложение никто не услышал, кроме Ины.

После заседания на ступенях меня остановила женщина с маленькими ножницами на шнурке.

— Вы мне скажите: если моя дочь завтра не придёт на смену, кто купит ей хлеб послезавтра?

— Никто не предлагает закрыть завод завтра.

— А когда предлагаете?

У меня не было даты. Женщина кивнула, будто услышала ожидаемый ответ, и ушла.

Эфра собрала пустые билеты в корзину. Последний, оставленный на ступеньке, она развернула и разгладила.

— Ты правда думаешь, что все тут дураки? — спросила она.

— Нет.

— Тогда говори с нами так, будто это правда. Ты уедешь домой и там будешь знать, что правильно. А я завтра опять поведу Владу к врачу. Мне не нужен чужой правильный завтрашний день. Мне нужны ампулы.

Она ушла раньше, чем я придумала ответ. Я отнесла скобу к Тарену. Он осмотрел её, повертел и сказал, что новую поставили вчера — такую же, только блестящую. Стоила она три монеты. За показ завтрашней безопасной смены завод платил в четыре раза больше.

Я записала цены на обороте билета. Так было проще, чем сразу придумать, как кому-нибудь помочь.

⁂

Майя Ранс разрешила мне пройти на объект только в присутствии заводского механика. В её кабинете стоял стол из двух дверей, снятых с петель. Возле окна висело расписание смен, в котором имена были написаны мелом, чтобы утром можно было стереть. Под ним крепились пять поломанных зубчатых секторов — напоминание новичкам, чего нельзя делать с противовесами.

Майя была лет сорока и носила коротко остриженные волосы, потому что однажды станок вырвал у неё косу. Об этом рассказал Тарен, шепотом. Сама она о прошлом не говорила. Попросила меня назвать все места, где я училась работать с тросом, а потом дала ответить на три вопроса о тормозах. Первый я знала, второй догадалась, третий спутала.

— Знаний хватит, чтобы не погибнуть сразу, — сказала Майя. — За ограждение без меня ни шага.

Четвёртый подъёмник был старше остальных. Его башня стояла над провалом, куда спускались рельсы и две переплетённые цепи. На первый взгляд конструкция казалась избыточно прочной. Опоры подпирали друг друга, распорки уходили под разными углами. Если смотреть внимательно, одна сторона несла на себе больше, чем другая.

— Это нормально? — спросила я, показав на перекос.

— Для исправной опоры — да, — ответила Майя. — Для нашей — надо мерить.

Она достала клиномер, положила на нижний пояс, отсчитала деления. Линия уходила вправо. В акте последней проверки значилось, что центральная распорка заменена семь месяцев назад. Я показала на гнездо, где она должна была крепиться. В нём лежала пыль, старое железо местами порыжело, а головки свежих болтов не было.

— Может, поставили другую? — спросил Тарен.

Майя отодвинула его за плечо.

— Не может. Сюда только одна модель подходит.

В книге смен под той датой стояли три подписи. Два работника уже не числились на заводе. Третий — отец. Я взяла карандаш, хотела переписать имена, но Майя не дала.

— Запись служебная. Сделаю выписку, если начальник разрешит.

— Вы сами видите: распорки нет.

— Вижу. Поэтому сейчас закрою эту ветку. А потом выясню, кто расписался.

Она велела поднять красный флажок. Сигналист три раза потянул за шнур. Люди у нижних платформ начали выходить по лестницам, ругаясь. Одна бригада не успела забрать инструменты; Тарен обещал вернуться за ними позже. Майя попросила объявить техникам, что любые обещания безопасной смены у четвёртого подъёмника не заменяют закрытие ветки.

Через полчаса пришёл управляющий заводом. Звали его Мерон Далль. Он был в добротном пальто, которое не подходило для прохода по раскалённым площадкам. Увидев красный флажок, спросил, кто дал распоряжение.

— Я, — ответила Майя.

— На завтра с этой ветки обещана отгрузка двух составов. В театре будет отдельный показ. Работники сами просили гарантию.

— Если на поезде нет колеса, мы его не отправим, — сказала Майя. — Даже если перед отправкой двадцать человек поцелуют расписание.

Управляющий посмотрел на меня.

— Вам здесь нельзя находиться.

— Мне разрешили до закрытия, — сказала я.

— Разрешение отзываю. И рабочим тоже советую выйти. Через час начнут измерения.

Он говорил так, будто лично собирался их проводить. Майя не спорила. Она вывела нас вниз, поставила у ворот двоих сторожей и сама пошла к управляющему.

Позже, когда мы сидели в заводской столовой, Тарен признался, что закрыл бы глаза на перекос ради дополнительной смены. Его семья жила в старом бараке, сестра подрабатывала стиркой, а мать после травмы не могла долго стоять. Новая смена давала им месячный запас угля.

— Ты бы пошёл туда, зная, что распорки нет? — спросила я.

— Может быть, — ответил он. — А может, и нет. Если б деньги уже заплатили, точно нет. Только их платят после.

Ина сидела напротив с куском хлеба. Она задумчиво рвала корочку, но не ела.

— В Заулисье тоже так было, — сказала она. — Сначала обещают нормальный выход, а ты живёшь там, где ждёшь его. Потом, если уже дождался, говорят: видишь, всё нормально. Значит, можно ещё.

Тарен уставился на неё.

— Ты правда оттуда?

— Да.

— А там есть работа?

— Есть. Платят плохо.

Он улыбнулся, и я впервые услышала, как Ина рассказывает о пропавших без необходимости объяснять, что они существовали.

Вечером Майя прислала записку: «Четвёртая ветка опечатана. Приказ управляющего об открытии не подписан. Если получите копию акта замены распорки, приходите завтра».

К записке была приколота старая гайка. Видимо, Майя хотела, чтобы я посмотрела на резьбу. Гайка была слишком новой для семимесячного крепежа.

Глава 6. Влада умеет свистеть

После больницы Влада потребовала у сестры научить её свистеть громче заводского гудка. Эфра сказала, что у ребёнка слабые лёгкие и запрещено тратить дыхание на глупости. Влада немедленно продемонстрировала, как умеет свистеть носом, и в третий раз за неделю их выгнали из коридора за шум.

Я застала их на ступенях. Эфра вытирала рукавом пролитый сироп, Влада размахивала листом с назначениями. В бумаге было написано, что ей требуется курс дорогого лекарства, доставляемого через норский железнодорожный склад.

— Ты можешь спросить у своего доктора, нельзя ли получить лекарство дешевле? — спросила Эфра, увидев меня.

— Мирна не мой доктор.

— А ты уже ей насос чинишь. Должна хотя бы за это получить знакомство.

— Спрошу, — ответила я. — Но она не раздаёт лекарства из кармана.

Влада встала между нами. Её волосы были заплетены в две косы, одна толще другой. Девочка предложила провести конкурс: кто дольше не будет ругаться, тот получит её карандаш с синей головкой. Эфра сказала, что не собирается соревноваться за собственный карандаш, который пропал вчера. Мы всё равно помолчали. Влада посмотрела на нас с разочарованием.

— Так неинтересно. Когда взрослые молчат, они обычно думают плохое.

Ина села рядом с ней. У неё в сумке лежали рисунки задников: деревья, дома, окна с разными ставнями. Влада выбрала один, где по дороге шли два человека, и попросила нарисовать ещё собаку. Ина дала ей кисточку, предложила сделать самой. Девочка не умела держать длинную ручку и вымазала зелёной краской собственный рукав.

— Теперь меня Эфра убьёт, — сообщила она совершенно довольным голосом.

— Сначала тебе придётся найти, где у меня свободные руки, — сказала сестра.

Мы пошли к красильне. Там сушили огромный задник для завтрашней постановки: городскую улицу с человеком у больничных дверей. На стене висела разметка сцен: «Приём лекарства по назначению» и три имени. Одно принадлежало Владе. Эфра увидела, что я читаю, и мгновенно сдвинула ткань.

— Она сама хочет, — сказала она.

— Ей десять.

— А что, в десять нельзя хотеть дышать?

— Можно. Но условия должна объяснять не афиша.

Эфра бросила мокрую тряпку на стол.

— Ты же только что обещала спросить доктора. Спросишь, она ответит, что денег нет. Тогда я всё равно пойду к Вейлу. Он уже помог нам прошлой зимой. Я не стану ждать, пока ваши общие сборы соберут ещё одну комиссию.

Я хотела сказать, что не все гарантии исполняются. Но Влада в это время рисовала собаку. Она прикусила губу и старалась не дышать слишком глубоко, чтобы не дрогнула кисточка. Лекарство могло помочь ей. Если театральный показ закрепит его доставку на завтра, мне нечем будет заменить этот результат прямо сейчас.

— Убедись, что в роли написана только доставка, — сказала я. — Чтобы её не заставили каждый день приходить за подтверждением. Ичтобы за невыполненное обещание не отвечала ты.

Эфра посмотрела на меня с удивлением, потом кивнула. Я почувствовала облегчение, которое не заслужила. От того, что я не стала спорить, мир не сделался безопаснее. Просто между нами в этот момент не возникла ещё одна стена.

Позднее вечером в красильню принесли приказ заменить задник. Вместо Влады в списке стояла Эфра: «Работница заключает договор повторного участия в ближайших тридцати показах при условии сохранения льгот для названного ребёнка».

— Я не подписывала это, — сказала Эфра.

Объявитель велел ей подойти к директору. Она вернулась через сорок минут, бледная, с бумажным конвертом.

— Сказали, так надёжнее, — произнесла она. — Один раз подписать согласие приходить на показы — и Владу будут включать, когда нужно. Не придётся всякий раз писать новую бумагу.

— А если ты передумаешь?

— Тогда пересчитают лекарства за месяц, — сказала она. — Но мне обещали, что я не передумаю.

Она сама засмеялась этой фразе и тут же закрыла рот. Влада спросила, чему все рады. Мы не нашли ответа. Ина вернула ей рисунок собаки, у которой оказалось четыре хвоста. Девочка сказала, что так даже лучше: у такой собаки никогда не будет мало счастья.

Я вытащила руки из карманов и попросила показать карточку. Эфра прижала её к столу двумя пальцами; на обороте мелко был напечатан размер доплаты за отказ. Влада подсунула нам свою собаку с четырьмя хвостами, и цифры на секунду исчезли под рисунком.

Глава 7. Показания под присягой

Лев прислал телеграмму из Кавеля: «Вызвали первым. Говорил пять часов. Судья спросил, умею ли я отличать свою руку от чужой. Ответил да. Потом попросили доказать».

Я читала её стоя у почтового окна. Служительница терпеливо ждала, когда я распишусь, но взгляд у неё был усталый: человек в очереди позади меня никак не мог выбрать между обычной маркой и маркой с изображением театра. Я поставила подпись и вышла на ступени.

Лев должен был свидетельствовать ещё два дня. Дамира не отрицала, что знала об исчезновениях. Её адвокат утверждал, что в ночь шторма она спасла порт и уже этим доказала необходимость прежней системы. Лев рассказывал о листах, которые сам подписывал, и о людях, чьи имена стирали. Судья не давал ему сбиваться на воспоминания, но каждый раз, когда он называл исчезнувшего, просил повторить имя громче.

Я отправила ответ: «В Норе отец жив. Работает больной. На четвёртой ветке нет распорки. Здесь театр продаёт лечение, и люди в него верят, потому что лечиться надо». Потом добавила: «Сева нашёл шнур и сделал из карты самолёт. Мать отложила ужин, пока не отругала». Не знала, зачем пишу последнее. Лев позже сказал, что ему было важнее узнать про ужин.

В тот же день мы с Иной отправились на рынок искать настоящую распорку. Не ту, что исчезла с заводского подъёмника, а аналог, по которому можно понять крепления. На площади продавали старые детали, снятые с машин. Мужчина у крайнего прилавка просил за кусок железа столько, сколько отец получал за неделю. Ина решила, что мы выглядим слишком бедно для покупателей, и стала изображать капризную заказчицу из Кавеля. Она говорила нарочито высоким голосом и требовала показать ей «изящный образец второсортной железяки». Продавец так хохотал, что к концу разговора разрешил нам измерить всё бесплатно.

Я хотела устроить ей выговор за представление. Она заметила мой взгляд.

— Не начинай. Я прожила два месяца за сценой, имею право хотя бы на роль покупательницы железяк.

— Ты сказала «изящный образец».

— Звучало дорого.

Мы выписали размеры. В одной из книг нашли старый стандарт норских подъёмников, датированный двадцатью годами раньше. Рядом с рисунком распорки стояло примечание: «При замене использовать только горячеклёпаный крепёж». Я присмотрелась. На нашей новой гайке резьба была заводской, совсем другой. Кто-то официально заменил распорку, которой никогда не существовало, а затем попытался создать след свежего крепления.

— Это преступление? — спросила Ина.

— Если из-за этого люди гибнут — да. Если никто не погиб, всё равно подлог.

— Ты будешь сама искать виновного?

— Майя разрешила показать ей чертёж. Иначе не пойдём.

Она одобрительно кивнула. Мы свернули бумагу и пошли к трамваю. На остановке мальчик лет четырнадцати продавал утренние газеты. На первой полосе было написано: «КАВЕЛЬСКИЕ СЛУХИ НЕ ОСТАНОВЯТ НОРУ». Под заголовком нарисовали женщину с разводным ключом, которая рушит сцену, а за её спиной горит завод.

— Это ты? — спросила Ина.

— Надеюсь, у неё хотя бы хороший ключ.

— У тебя тут лицо как у моей тёти.

Я купила газету, чтобы показать матери. Дома отец внимательно рассмотрел карикатуру и заявил, что нос у женщины похож на его. Сева попросил карандаш и пририсовал ей каску. Мать сказала, что теперь газета выглядит гораздо достовернее.

Когда мы рассмеялись, отец положил карикатуру на стол и спросил, почему я не сказала ему про четвёртый подъёмник. Смех оборвался. Он заметил гайку в моей сумке.

— Потому что ты расписался в его ремонте, — сказала я.

Отец долго смотрел на железо. Потом встал и пошёл к двери. На лестнице остановился, подержался за перила и вернулся обратно.

— Я расскажу, — сказал он. — Только при матери. Пусть не думает, что я снова собираюсь исчезнуть.

Глава 8. Подпись, которой хватило

Отец начал не с четвёртого подъёмника. Он рассказал о ночи, когда впервые уехал из Кавеля.

Тогда Севе было семь, мне четырнадцать. Мать ждала, что отец вернётся к ужину; он обещал купить муку. На его рабочем месте обнаружили испорченный тормоз, за который он отвечал. Тормоз не был испорчен им — он это знал, — но во время проверки у него не оказалось нужного журнала. Начальник предложил подписать признание в небрежности и получить выходное пособие. Или остаться без всего и ждать суда, пока дело будут разбирать.

— Я взял пособие, — сказал отец. — В Норе обещали работу, а у меня на руках была бумага, что я виновен. Я думал, заработаю и вернусь с деньгами, чтобы всем было проще.

Мать сидела возле окна. На ней был тот же серый платок, что она надевала на похороны бабушки. Я вспомнила, как после отъезда отца она каждую пятницу сверяла суммы в тетради и перечёркивала одну строку.

— Почему не написал сразу? — спросила она.

— Писал. Стыдно стало отправлять. Письма лежали в ящике. Потом перестал.

— А Сева? — спросила мать. — Он тебя ждал у ворот каждую весну. Не из-за денег.

Отец поднял руку, чтобы почесать лоб, и остановился от боли. Сева сидел в соседней комнате, но дверь была приоткрыта. Я знала: слышит всё. После возвращения в Кавель он, наверное, запомнит этот разговор лучше всех наших писем.

— Рассказывай про распорку, — сказала я.

Отец вынул из папки карточку с номером четвёртой ветки. Там стояла его подпись, обведённая красным карандашом. Он работал в кузне, когда начальство приказало сделать новую распорку для старого подъёмника. Заказ выполнили, металл нагрели и выковали по чертежу. Подписать пришлось все этапы. Последнюю карточку — передачу детали — отец получил уже после смены.

— Я видел, как погрузили её на воз, — сказал он. — Поставил подпись. Мне объяснили, что отвезут прямо к башне. На следующий день сказали, что работа выполнена.

— Ты проверял?

— Нет.

— Почему?

— Не моё было дело. По тогдашним правилам кузнец отвечал за размер, а не за то, куда поставят железо.

Ина скрестила руки.

— Там была ещё одна подпись, об установке. Кто её поставил?

Отец показал на оборот карточки. Роспись была похожа на букву «М», написанную человеку под локоть. Ниже стояла печать управления снабжения.

— Я этот знак видел у завхоза, — сказал он. — Только потом завхоз умер. В прошлом году. Я не знаю, успел ли он вообще посмотреть на распорку.

— Майя знает? — спросила я.

— Она тогда отвечала за третий подъёмник. Дела на четвёртом не подписывала.

Мать поставила перед отцом чашку. Он попытался взять левой рукой, но она не слушалась, и я поднесла чайник. Отец заметил мой жест, нахмурился и попросил поставить чашку ближе. Сам взял правой.

— Я виноват в том, что поверил бумаге, — сказал он. — Но не в том, что поставил подпись за свою работу.

— Ты мог узнать, куда пошла распорка.

— Мог. И ещё мог пять лет назад вернуться к вам, не дожидаясь денег. Я много чего мог.

Он произнёс это без просьбы его утешать. Мне хотелось спорить, но я уже слышала по дыханию, что он устал. Мать велела ему лечь. Я ушла на кухню с карточкой.

Ина пришла следом. Она нашла в шкафчике коробку железных шайб и разложила их по размерам. Дурацкая работа, но так ей было легче не задавать лишних вопросов. Я спросила, считает ли она отца виновным.

— За то, что уехал, да, — сказала Ина. — За ту распорку пока не знаю. Ты ведь тоже в Кавеле подписывала, что готово то, чего сама не видела?

— Один раз. Дамира сказала, что крепёж уже проверили.

— Вот и подумай, что проще: уличить чужую подпись или вспомнить свою.

Я хотела обидеться. Но в это время из комнаты донёсся Севин голос:

— Если папа плохой, мне тоже плохим быть?

Мать ответила ему негромко. Я не разобрала слов. Подождала, пока брат выйдет. Он стоял в дверях с тетрадью, на которой нарисовал заводской подъёмник и поставил вместо недостающей распорки большой вопросительный знак.

— Ты же сказала, что папа не знал, — напомнил он.

— Не знал всего. Это не то же самое, что совсем ни за что не отвечать.

— А я могу всё равно любить его?

— Да, — сказала я. — И сердиться можешь. У меня так и получается.

Сева прижал тетрадь к груди, словно опасался, что кто-нибудь попросит исправить рисунок.

Я отнесла документы Майе. Она прочитала копию и попросила оставить карточку на сутки. Взамен расписалась, что получила её. Её подпись была слишком крупной для маленького листа, но я впервые за день увидела в бумаге что-то полезное: человек отвечал за то, что действительно держал в руках.

⁂

В субботу Нора отмечала день основания заводских мастерских. На главной улице собирались ставить столы, выдавать хлеб с мясом, а ближе к вечеру — показывать короткие сцены о счастливом завтрашнем дне. Власти называли это праздником труда. Продавцы называли днём, когда можно заработать за одну смену больше, чем за три обычные.

Ина решила пойти за тканью. Нам требовалась белая бязь для второго кислородного насоса: старая прокладка рассыпалась в пальцах. На рынке торговали и медицинским сукном, и детскими шарфами, и деревом для декораций. За третий рулон мне предложили скидку при предъявлении талона на постоянное посещение театра. Я попросила назвать обычную цену. Продавщица пожала плечами и написала цифру вдвое больше.

— Вы сами устанавливаете скидку? — спросила я.

— Из союза торговцев приходит, — ответила она. — За билеты платит город. Мне-то всё равно, кто придёт, лишь бы купили.

— Значит, город платит вам, чтобы люди ходили на представления?

— Город мне платит, если они пришли. А что им делать там — их дело.

За прилавком работал её сын. Ему было лет шестнадцать, и он всё время поглядывал на дорогу. Вечером у театра собирались давать прослушивание для новой труппы. Он взял кусок бязи, накинул на плечи, сыграл старого чиновника, у которого в руках внезапно расплавилась печать. Ина засмеялась и подсказала, как упасть, чтобы не разбить затылок. Парень повторил и почти попал головой в корзину с яблоками.

— Не учили тебя падать на сцене? — спросила она.

— Учился сам по книжке. Я бы хотел играть настоящие пьесы, — признался он. — Здесь только завтрашние смены и больничные очереди. Я в детстве видел одну комедию, там старик всё время путал дома. Думал, от смеха умру.

— Лучше не надо умирать на сцене, — сказала Ина слишком резко.

Парень смутился. Мы купили рулон по обычной цене. Уходя, я заметила, как его мать собрала деньги в кассу, потом отдельно положила муниципальные талоны в коробку под столом. Для неё участие в театральной системе тоже было частью рабочего дня.

На площади вывешивали портрет Харона Вейла. Из окна второго этажа к нему привязали длинный красный бант. Сева тут же попросил мать дать ему камеру, которую отец когда-то прислал из Норы. Он собирался снять праздничную толпу, чтобы потом рисовать лица. Мать разрешила, но велела не теряться. Ина предложила идти вместе.

Я пошла к больнице. Там остался старый кислородный насос, который мы ремонтировали. Сестра-хозяйка уже нашла деньги на детали и теперь требовала от меня расписаться, что они установлены. Я попросила оставить графу пустой до проверки. Она понимающе усмехнулась.

— Видно, тебя однажды за такую подпись хорошо ругали.

— Ещё не очень, — сказала я. — Зато собираются.

Весь день на площади звучала музыка. Гудели деревянные трубы, дети делали бумажных птиц, взрослые торговались из-за дешёвых пирожков. Нора была настоящим городом, а не только местом договоров. Мне стало стыдно за то, как охотно я представляла его жителей людьми, которых надо привести к единственно верному решению.

Возле фонтана Эфра раздавала брошюры с программой вечернего показа. Влада сидела рядом на складном стуле и свистела в две ноты. На её коленях лежала та самая нарисованная собака с четырьмя хвостами, теперь вырезанная из дерева. Эфра увидела меня, но не отвернулась.

— Вечером придём в театр, — сказала она. — Владе дают лекарства по новой программе.

— Я знаю. Видела список.

— Не мешай, ладно?

— Не буду. Только хочу посмотреть, что они написали на обороте твоего согласия.

Эфра замерла, потом достала билет из сумки. На нём было указано, что она согласна на тридцать посещений подряд, но ниже стояла приписка: «при невозможности присутствовать гарантируется назначение ближайшего совершеннолетнего члена заявленной семьи». Эфра не заметила её. Я показала строку.

— Это значит, что вместо тебя придёт Влада через несколько лет? — спросила я.

— Ей десять, Рута. На ближайшие тридцать дней никто не вырастет.

— Сейчас — да. Но если соглашение ежегодно продлевают молча, может оказаться, что она наследует твоё обязательство.

Эфра позвала служащего у фонтана. Тот прочитал приписку и сказал, что семейная подмена касается только совершеннолетних. Эфра попросила написать это поверх строки. Служащий ответил, что не может менять типовой бланк.

— Тогда на обороте, — сказала она. — Здесь чистое место.

Он долго смотрел на неё, потом написал и поставил печать. Когда ушёл, Эфра спрятала билет глубоко в сумку.

— Ты мне настроение испортила, — сказала она. — Но теперь хотя бы знаю, что там. Не вздумай говорить, будто сама всё решила.

Я кивнула. После разговора у фонтана Эфра не ушла сразу. Она попросила меня посмотреть, хорошо ли завязан шарф у Влады: девочка упорно снимала его при каждом порыве ветра. Я поправила узел, Влада тут же сделала его свободнее и объявила, что ей нужно дышать. Эфра вспыхнула, потом вдруг сама развязала шарф совсем. Младшая сестра посмотрела на неё с удивлением.

— Дома наденешь, — сказала Эфра. — Здесь можешь без него. Только не потеряй.

Влада побежала к другим детям. Я хотела сказать, что та права насчёт дыхания, но Эфра уже смотрела на меня так, словно ждала очередного полезного замечания. Мы сели на край фонтана. Вода в нём давно не работала; в сухой чаше валялись бумажные крылья от праздника.

— Ты вообще знаешь, сколько ей лет? — спросила Эфра.

— Десять.

— Нет. Я не про это. Ты знаешь, сколько ей было, когда мама умерла? Четыре. Она теперь помнит маму только по одной песне, и ту мы поём неправильно, потому что я тоже забыла последние слова. А мне тогда было пятнадцать. У нас в доме все говорили, что я теперь взрослая и должна следить, чтобы Влада не болела. Я поверила. Очень удобно было, знаешь ли, всем остальным.

Она говорила тихо. Я видела, как у неё дрожит нижняя губа, и не пыталась отвечать. Эфра взяла из кармана кусок сахара, который собиралась дать сестре после лекарства, разломила пополам и одну часть сунула мне в ладонь. Сахар прилип к коже.

— Если ей станет хуже, ты поедешь за лекарствами? — спросила она.

— Если понадобится и смогу, поеду. Но я не врач. Надо сначала спросить Мирну.

— Я спросила. Она сказала, что сегодня всё по плану. А я всё равно боюсь. Ночью просыпаюсь и слушаю, дышит ли она. Даже когда Влада уходит в школу, мне кажется, что за дверью кто-то закрыл ей рот.

Я вспомнила Севу на кавельском причале, когда вокруг кричали о поднимающейся воде. С тех пор я тоже иногда просыпалась от того, что в доме слишком тихо. Хотела рассказать, но поняла, что сейчас Эфре не нужно знать о моём брате. Она и так отлично представляла страх за ребёнка.

— Ты можешь сегодня пойти в театр, — сказала я. — И завтра попросить у Мирны расписание лекарств на месяц. Тогда не придётся каждый раз угадывать, осталась ли ампула. Я помогу получить бумагу, если она нужна.

— Бумага у меня есть, — ответила Эфра. — Десять бумаг. Мне нужен кто-нибудь, кто иногда скажет: «Пойдём есть суп». Без объяснений про правильную жизнь.

Я кивнула. Пошла к ближайшему прилавку и купила две миски горячего супа. Спросила, где сесть. Эфра подвинулась, освободила место на низкой ступеньке. Мы ели молча, следя, чтобы Влада не полезла за бумажными птицами в пустой фонтан. Когда девочка прибежала, ей досталась третья миска. Она обиделась, что мы начали без неё, но быстро простила, потому что в супе была лапша.

За едой Эфра попросила меня больше не подходить к ней у театральной кассы при всех. Её соседи уже считали, что она подговорила кавельскую механичку вмешаться в чужие договоры. Она не хотела, чтобы кто-нибудь из них отказался помогать с Владой из-за обиды. Я согласилась. Эфра сказала, что можно приходить к ней домой по вечерам, когда Влада спит, и пить чай. Обычный, без разговоров о законе. Я поблагодарила. Она усмехнулась: оказывается, мне тоже иногда требовалось разрешение просто побыть рядом.

Влада принесла деревянную собаку. У неё отвалился один хвост. Девочка заявила, что виновата кошка, которая тут даже не появлялась. Эфра велела не врать. Влада нахмурилась и сказала, что если хвост был лишний, его отсутствие не страшно. Мы не стали спорить. Я взяла маленький гвоздь из сумки и предложила починить игрушку вечером, если Влада сама захочет. Она согласилась, но предупредила, что собаке положено бегать быстро, а не стоять красиво на полке.

Сева подбежал к нам с фотографией. На снимке Влада сидела перед изображением Вейла, и четыре хвоста её деревянной собаки выглядели как развевающиеся флаги. Девочка сказала, что теперь обязательно будет знаменитой, потому что на одном снимке у неё целых восемь рук и ног.

Вечером мы пришли на площадь втроём. Я держала Севу за локоть, а Ина несла раскладной стул. У театра люди уже выстраивались по билетам. Внутри пахло новой краской. До начала представления оставалось полчаса, и я увидела, как Эфра на миг закрыла глаза, прежде чем передать служащему свою подписанную карточку.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.